

**ВИТАЛИЙ
МЕЛИК-КАРАМОВ**

Виталий Мелик-Карамов

Почему у собаки чау-чау синий язык

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8037076

Почему у собаки чау-чау синий язык: Время; Москва; 2013

ISBN 978-5-9691-1009-0

Аннотация

Можно сказать, что это история одной компании, а можно – что история целого поколения. Можно сказать, что это поколение выросло в эпоху первой оттепели, а можно – что оно сложилось в эпоху первого КВН, того самого, который вместе с оттепелью был прикрыт в 1970-м. Как это было, какие житейские пересечения объединили автора книги с Юлием и Михаилом Гусманами, Александром Масляковым и Маратом Гюльбеяном, Ириной Родниной и Юрием Овчинниковым, Еленой Прокловой и Андреем Наличем, Андреем Вознесенским и Андреем Макаревичем – об этом честный рассказ участника всех событий. Ну, не всех. Ну, не совсем честный. Ну и что? Ведь феерические байки и веселые легенды недавнего прошлого – это такое же культурное наследие, как и мифы Древней Греции. Только нам они еще дороже.

Содержание

Часть I	4
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Виталий Мелик-Карамов

Почему у собаки чау-чау синий язык

Часть I

ХОЛЕРНОЕ ЛЕТО 1970 ГОДА

*Какой зверь бежит на ловца?
Легко раненый кабан*

В начале июля семидесятого года, ранним воскресным вечером, когда небо над Петровским монастырем окрасилось в нежно-фиолетовый цвет, из арки, выходящей на Петровку, напротив сберкассы, где работала в будние дни Нина Яковлевна Зегаль, вышла компания, состоящая из трех молодых людей, по возрасту старшекурсников, и трех девушек, их ровесниц.

В одном из студентов я с трудом узнаю самого себя – худого, с густыми черными усами и большой шевелюрой (сейчас все в точности наоборот, уточнять совершенно не хочется), а со мной рядом братья Зегаль. Мой однокурсник по Архитектурному Саша Зегаль и его младший брат-погодок, рыжий Юра Зегаль. С нами три шведские (!) девушки. Сорок

лет назад идти со шведской девушкой по Москве – все равно, что в наши времена посидеть в кафе с Анжелиной Джоли или двадцатилетнему студенту закадрить и привести с собой на вечеринку Бритни Спирс, естественно, трезвую.

Выйдя на Петровку, мы дружно повернули направо и пошли вверх, в сторону монастыря, чтобы не сказать Петровки, 38. Девушкам, наверное, казалось, что мы с ними гуляем по летней пустой Москве, но на самом деле маршрут у нас был конкретный – мы шли одалживать деньги у бабушки Вити Проклова Ирины Михайловны. Самого Витю родители в эти воскресные дни увезли на дачу. Они периодически это делали в воспитательных целях, бессмысленно тратя на это свое и Витино время.

Мы не успели пройти и двух десятков метров, точнее дошли до того места, где в Петровку впадает маленькая улица Москвина с филиалом МХАТа посередине, как на мгновение замедлили бодрое движение. На углу Петровки и Москвина находилась поликлиника МВД, там работал шофером наш друг Володя Преображенский по кличке Зебра, и этот зигзаг на другую сторону улицы в плавном повествовании не случаен. Саша, сосредоточенно шагавший на полметра впереди, следовательно, возглавлявший наш отряд, резко свернул с Петровки на эту улицу Москвина. Зная Зегалю не один год, я сразу понял – он что-то придумал.

Летом 1966 года, на следующее утро после выпускного вечера, мы с Мишей Гусманом полетели в Москву поступать в институт. Я – в Архитектурный, Миша – в МГИМО. И хотя агрессивный Израиль еще не напал на мирных арабов (знаменитая шестидневная война произойдет через год), несмотря на выдающуюся Мишину подготовку и маму – проректора и завкафедрой английского языка в бакинском инязе, Михаила Соломоновича в МГИМО на приемных экзаменах завалили на географии. Сделав финт длиной в сорок лет (как тут не вспомнить пророка Моисея, столько же ведшего за собой древний народ), Миша превратился в первого зама генерального директора ИТАР-ТАСС, стал лауреатом Государственной премии, более того: он регулярно демонстрирует себя на различных федеральных каналах, задавая приятные вопросы главам всех имеющихся на планете государств. Интересно, жив ли тот преподаватель географии, который поставил Мишке двойку? Если жив, то должен был потерять психическую устойчивость...

...Тогда, жарким июньским днем, сидя в раскаленном самолете Ил-18 в ожидании вылета, мы увидели, как чудом сюда попавший американец, сидевший от нас через проход, достал пачку бумажных платков и стал себя ими промокать, а потом, страшно сказать, их выбрасывать. Мы долго толкали

друг друга. Мы были сражены. Перед нами открылась бездна цивилизации. До этого мы знали только то, что в жару носовой платок полагается скатывать в трубочку и укладывать на шею под воротничок сорочки.

Ослепительной карьере Миши косвенно сопутствовала популярность его старшего брата Юлика, что Миша всегда отрицал, поэтому будем считать, что эту пару строчек вы не читали.

Тогда же, в середине шестидесятых, Юлик, пока еще популярный только в Баку, создал при ЦК комсомола оперативный отряд и начал его деятельность с самого верного шага: напечатал красные корочки с гербом – первый признак всесильности у советского человека. Незаметно отряд Юлика превратился в элитный клуб из лучших представителей потомков бакинской интеллигенции, но разбавленных, как в то время было принято, некоторыми представителями рабочего класса. На базе этого оперотряда и возник бакинский КВН, и это вполне закономерно. Что интересно, по прошествии какого-то времени часть тех бакинских молодых интеллектуалов поменяла не только место жительства, но и социальную ориентацию. Так, например, сценарист Виталик Теллер стал таксистом в Балтиморе.

Юлик, войдя во вкус, поступил с КВНом, любимой игрой миллионов, как маркиз Самаранч с Олимпийскими играми, – он коммерциализировал процесс, а именно допустил к его созданию профессионалов. Иными словами, убив ро-

мантические любительские состязания, Самаранч спас загибающиеся Игры, ставшие неинтересным продуктом для эпохи телевидения. Отныне в игре молодых, к тому же «веселых и находчивых», появились вполне опытные авторы скетчей, юморесок и блистательных импровизаций, в страшной тайне репетирующих за два месяца до выступления.

В соответствии с новым течением, которое сам Гусман-старший и нагнал, он в своей команде завел и службу безопасности. Правда, стало немножко непонятно, то ли команда бакинского КВН вновь превратилась в оперотряд, то ли, наоборот.

Юлик навсегда остался кумиром моего детства. Высота потолков в нашей квартире равнялась пяти метрам сорока сантиметрам. Когда с трудом открывалась тяжелая дубовая трехметровая дверь в туалет, мой дедушка говорил со значением: «Вакуум!» В эту квартиру в самом центре города Юлик приходил в гости к старшей дочери наших соседей. На моих глазах он чистил мандарин, подбрасывал к потолку и безошибочно ловил его открытым ртом.

Естественно, Миша, как полноправный член команды, выступал на всесоюзной кэвээновской арене, убежденный в том, что попал на нее благодаря своему сценическому таланту. В начале семидесятых Александр Митта снял фильм про школьника-неудачника; Юрий Никулин в этом воспитательном кино играет его отца. В какой-то момент отец-Никулин, глядя в телевизор, говорит сыну: «Смотри, вот люди делом

занимаются!» А на экране на крупном плане скачет довольный Миша и со всей невидимой командой поет: «Парни из Баку!» Я считаю это пиком его достижений. Никакая Государственная премия рядом не стоит. Признание народа в интерпретации Никулина и признание администрации президента все же разные вещи.

* * *

Сейчас, как и сорок лет назад, передача КВН по рейтингу всегда занимает первые места. Но тогда слова «рейтинг» и «доля» почти не употреблялись (журналисты предпочитали писать «табель о рангах»), а трансляции КВН привлекали почти всё имеющееся в стране количество телезрителей. Развлечений тогда было немного, да и канал всего один. Был даже случай в конце 1960-х, когда в каком-то конкурсе москвичам предложили выключить свет в своих квартирах. И дома вдруг сразу почернели. Почти везде в окнах погасли огни. Мне кажется, именно тогда советская власть задумалась о будущей судьбе КВН. Она, советская власть, как любая женщина, не привыкла, чтобы у нее появлялись конкуренты. Но, как большинство женщин, не торопилась принимать решение. В конце концов КВН она прикрыла, правда спустя несколько лет. Начали, кстати, с нас, команды Московского архитектурного. Но до этого момента мне еще писать и писать.

Пользуясь детской дружбой с половиной бакинской команды, я стал неким ее добровольцем, а именно при каждом приезде бакинцев в Москву сопровождал их всюду. Однажды Юлик меня представил: «Наш разведчик в Москве!», и у меня такое представление протеста не вызвало. Совсем недавно вышел фильм «Щит и меч», и песня из этой картины – «С чего начинается Родина» – мне тогда очень нравилась.

В промежутках между приездами земляков я расхаживал в их кавээновской форме – клубном пиджаке с золотыми пуговицами и гербом города Баку (три факела) на верхнем кармане. Пиджак мне оставлял мой товарищ и сосед по бакинской квартире из группы службы безопасности команды. Естественно, я был знаком со всей той частью молодежной редакции ЦТ, что готовила и выпускала эту передачу. Каждый приезд бакинского КВН в Москву заканчивался банкетом. А нигде люди так не сближаются, как на курорте или за обильно накрытым столом.

Пользуясь своим знакомством, я получил в редакции билеты на игру одесситов, не помню с кем, и взял с собой на КВН Сашу Зегалю. Кстати, что тогда, что сейчас билеты на КВН не продавались. Из того давнего майского вечера семидесятого года я запомнил у одесских болельщиков плакат в зале: «Мама, ты меня видишь?» и рисунок, который одесситы показали на сцене. Танкист в танковом шлеме смотрит вдаль из-под козырька ладони, поднявшись над открытым люком, а люк этот – канализационный.

Зараженный необыкновенной энергией зала (это тоже особенность КВН), Саша в тот же вечер решил создать команду в нашем Архитектурном институте. Качаясь в пустом вагоне метро от «Электrozаводской» до «Площади Революции», где нам предстояла пересадка на «Площадь Свердлова», – Зегаль жил на Фестивальной, у Речного вокзала, я ехал к нему ночевать, – мы разрабатывали план дальнейших действий. Саша, естественно, назначил себя капитаном, я за неимением других командных должностей остановил свой выбор на роли начальника команды. Не зная, что полагается обсуждать дальше, мы начали мечтать о предстоящей славе и успехах.

К слову сказать, советское «начальник команды» или «директор фильма» переросло в неизвестное нам тогда понятие «продюсер», а именно человек, который распоряжается деньгами. А у кого деньги, тот при капитализме и главный. Первый раз я столкнулся с человеком, гордо называющим себя продюсером, в долгой поездке по Западной Европе (это отдельная история), когда снимал по своему сценарию сериал для первого канала «Тринадцать чемпионов». Девушка, взятая в дорогу директором благодаря тому, что добыла деньги на фильм у своих друзей-бизнесменов, пыталась мне объяснить между Ниццей и Миланом, что именно она в нашем микроавтобусе «Рено-Трафик» самая главная. При этом она ссылалась на Ирвина Шоу, точнее на его роман «Вечер в Византии». Замученный долгой поездкой, – мы начали

путь от моего московского двора месяц назад, – но прежде всего своей съемочной группой, я на нее орал так, как никогда ни до, ни после ни с одной женщиной не общался. Легко представить мое состояние, если даже красоты Кот-д’Азура, по-простому Лазурного берега, на меня не действовали. В Москве я прочел «Вечер в Византии» и понял, что двадцать лет назад, в семидесятом, я, оказывается, был на нашем КВ-Не самым главным, несмотря на царственное положение Зегая в институте.

* * *

Мы оканчивали четвертый курс Архитектурного института, а рыжий Юра, ныне успешный бизнесмен в Мюнхене, перевалил через середину МИСИ. Юрину ангельскую внешность легко описать на таком примере: моя мама, бывшая следователем по особо важным делам, когда я ее с ним познакомил, а Юра уже был пятикурсником, спросила: «Мальчик, ты в каком классе учишься?»

Юра и Саша росли в благополучной еврейской семье с нежными и скромными родителями, что не мешало старшему все время влипать в какие-то истории, зато младшему вести безупречный образ жизни. Фантазия из Саши была ключом. Однажды он мне таинственно сообщил, где в Москве будет гетто, – оказывается, вокруг метро «Речной вокзал», на месте первой массовой застройки жилищных кооперати-

вов. «Представляешь, – страшно шептал Сашка, – обнесут район высокой стеной, и евреи каждое утро будут из одних ворот выходить толпой в Москву на работу».

Я живо себе представил почему-то зимнее московское темное утро, бредущих в промозглой темени евреев, скрип снега и цепочку вызванных ими такси с зелеными огоньками вдоль Ленинградки...

Сашиного и Юриного папу звали Леонид Ильич. Старший Зегаль носил погоны полковника и работал в секретном НИИ. Это ему не помешало, когда я женился на сестре Витьки Проклова Лене, подарить нам на свадьбу кусок секретной обшивки космического корабля, на котором еще более секретные умельцы выдавили день нашей свадьбы – 16.04.71. Плитка из таинственного металла, размером двадцать на двадцать сантиметров, была неподъемной. Когда лет через пять я перевозил ее на дачу, мне показалось, что рессоры моего «Москвича» под ней просели. На даче ее долго использовали почти по прямому назначению – то есть она служила гнетом для кадушки с шинкованной капустой. Главным человеком на даче был дедушка Вити и Лены, Виктор Тимофеевич Проклов. Все ценное он прятал в тайники, и не все из них, спустя тридцать лет после его ухода, могут найти. Поскольку наш свадебный подарок исчез неожиданно, я убежден, что его припрятал деда Витя. Если случится катаклизм и на Земле погибнет цивилизация, плитка, безусловно, сохранится, будет обнаружена через миллионы лет,

и космические пришельцы начнут строить гипотезы над таинственными знаками «16.04.71».

Классе в пятом Сашку поставили на учет в милиции, потому что он в Столешниковом переулке писал с крыши на прохожих. Занятие, мягко говоря, нетипичное для еврейского мальчика.

Много лет спустя, получив заслуженных мастеров спорта, фигуристы, новоиспеченные чемпионы мира Карпоносов и Ковалев, напились во время показательных выступлений в Новосибирске и, без конца хихикая, падали на льду, причем одиночник Ковалев сам по себе, а Карпоносов пытался свалить еще и свою партнершу по танцам Линичук. В сборной страны срочно устроили комсомольское собрание и Ковалева с Карпоносовым исключили из комсомола – как выяснилось, временно. Товарищ Карпоносова, журналист Александр Липкинд (он подписывался «Львов»), сказал: «Гена, запомни, евреи на коньках не катаются. А если и катаются, то так не нажираются! Я бы тебя исключил не из комсомола, а из евреев».

Один из «облитых» Сашей прохожих, с виду настоящий интеллигент, прокрался на крышу – какому нормальному трудяге пришло бы такое в голову? – и поймал пионера Зегля на месте преступления. Леонид Ильич заплатил штраф в тридцать рублей «за безнадзорность». Вообще старший сын дорого обходился родителям, но это компенсировалось отсутствием затрат на младшего. В среднем выходила терпи-

мая сумма...

В восьмом классе Юрка купил здоровенный магнитофон «Комета-5», не признаваясь, откуда у него деньги, а родители верно хранили тайну младшего сына. Тогда старший не поленился и выследил, что Юрка демонстрирует в Доме моделей одежду для мальчиков. С той минуты Юра жил под угрозой шантажа, что его тайна станет достоянием всех одноклассников и одноклассниц – и магнитофон перекочевал в Сашкину комнату. Даже из этого единичного примера ясно, как нелегко было Юрке сохранять настоящую братскую любовь.

В начале учебного года нас с Сашкой оперативники отвели в специальную комнату в гостинице «Метрополь», откуда через окно, запрятанное в лепнине (это я потом высчитал), виден был весь зал ресторана. Мы повадились ходить между парами в институте пить в баре «Метрополя» кофе, и нас из-за моего вида приняли за фарцовщика. Я летом съездил в Польшу, куда меня направили из Баку по комсомольской путевке, и ходил в желтом батнике, а под него надевал красную водолазку, – Незнайка отдыхает. Саша попросил у оперативников разрешения позвонить по телефону, набрал номер секретного папиного НИИ и попросил позвать Леонида Ильича. И хотя даже дураку было понятно, что Саша звонит не Брежневу, нас почему-то сразу отпустили. Правда, на прощание посоветовали пить кофе в другом месте.

Куда как большая неприятность произошла с нами на ди-

намовских кортах, когда Сашка забыл на скамейке книгу Солженицына, изданную не в Советском Союзе, а в антисоветском издательстве «Посев». Мы прибежали за ней, спохватившись, через пятнадцать минут. На соседней площадке разминались любители-волейболисты, профессиональные чекисты, все в белых динамовских майках с синей буквой «Д» на груди.

– Дяденьки, вы здесь книжку не находили? – занял Сашка, ковыряя в носу (у него была такая привычка, когда он нервничал).

– Возьми, мальчик, – сказал самый старший дяденька, не меньше чем подполковник. – И в таких местах *такие* (это с ударением было сказано) книжки больше не оставляй.

Я уже мысленно попрощался с комсомольским билетом, а главное с практикой в знаменитой немецкой архитектурной школе «Баухауз». У меня и без Сашкиного прокола хватало неприятностей. Я поступил в Москве в Архитектурный, приехав в столицу, как тогда говорили, из солнечного Азербайджана, и все студенческие годы честно изображал из себя кавказского джигита, даже говорил с акцентом, которого у меня сроду не было. На втором курсе кому-то взбрело в голову сказать профессору Салову, ведущему легендарный сопромат, что я иностранный студент. После этого он говорил со мной, почему-то коверкая русский язык, и ставил на каждом экзамене «четыре», ни о чем не спрашивая. А тут через два года, перед последней сессией по этому предмету,

не хочу даже вспоминать кто просунул голову в дверь нашей аудитории и прокричал, что мне надо срочно явиться в комитет комсомола.

– Зачем вам в комитет комсомола? – удивился профессор Салов.

Чувствуя себя провалившимся резидентом, я признался:

– Я комсорг группы.

На экзамене профессор Салов вlepил мне «кол». Точно так же ни о чем не спрашивая. Отыгрался.

* * *

На следующее утро после мечтаний в метро я созвонился с редакцией молодежных программ Центрального телевидения. Пропустив первые две пары, мы с Сашей отправились в Останкино. К моему удивлению нас приняли сразу и редактор КВН Марат Гюльбекян, и режиссер передачи Белла Исидоровна Смирнова. Оказалось, что, несмотря на всеобщую любовь к этой игре, желающих выступить на Центральном телевидении выявлялось ничтожное количество. Одна из причин этого необъяснимого факта, поскольку в КВН играли во всех школах, институтах и НИИ, стала мне известна буквально в этот же день.

Распрощавшись с редакцией и дав слово к первому сентября принести сценарий нашего выступления, мы вернулись обратно в институт. И тут наступило легкое отрезвле-

ние. Сценарий ни Саша, ни я никогда не писали, даже не знали, как к этому приступить.

Но, похоже, на телевидении хорошо понимали, с кем имеют дело. К концу занятий ко мне подошел средних лет мужчина в джинсовом костюме. «Вы начальник команды КВН?» – спросил он. Я, польщенный, согласно кивнул в ответ. – Хочу предложить вам на выбор несколько сценариев». И он протянул мне пухлую папку. «Давайте», – милостиво согласился я. – «Номер моей сберкнижки стоит на каждом экземпляре». – «Зачем?» – удивился я. – «Как зачем? – в свою очередь удивился джинсовый то ли моей наивности, то ли моей глупости. – Вы что, можете рассчитаться прямо сейчас?» – «Сколько?» – спросил я, не моргнув глазом. – «Тысяча», – так же быстро ответил он. В кармане у меня лежал рубль с мелочью. «Не подойдет», – и я вернул папку. – «Восемьсот», – сказал он, и папка снова оказалась у меня в руках. – «Нет», – сурово отрезал я. – «За пятьсот вам будут писать непрофессионалы, а я член Союза писателей». – «У меня дядя – член Союза писателей», – беспечно ответил я и, окончательно вернув папку, отправился на факультативные занятия по рисунку, размышляя по дороге, как быстро хорошие новости разносятся по свету.

За неделю я принял человек двенадцать профессионалов и полупрофессионалов. Теперь я вел себя хитрее. Я просил день на обдумывание, а вечером мы с Сашкой читали труды наших клиентов, постепенно изучая технику написания сце-

нариев для КВН.

Со временем мне стал понятен вопрос, который нам задали в редакции: «Местком вас поддерживает?», на который мы необдуманно ответили: «Естественно!» Месткому, как и парткому, еще предстояло узнать о нашей аванюре. Когда нам показалось, что мы уже созрели для собственноручного создания сценария, я на очередном занятии по архитектурному проектированию рассказал нашему преподавателю-ассистенту, заодно и ректору института, об этой затее.

Удовлетворение от занимаемого высокого поста ректор, скорее всего, начал получать лишь после окончания учебы нашей группы. Бразды правления вузом ему неразумно вручили в тот момент, когда он, начинающий преподаватель, только вернувшийся из многолетней зарубежной командировки, осваивался в родном институте. По традиции, преподаватели основной дисциплины в творческих вузах (театральных, ВГИКе, консерватории) – некие няньки и вторые родители одновременно. Нашим девочкам ничего не стоило вламываться в ректорский кабинет с трагическим криком: «Юрий Николаевич, у меня бумага на подрамнике лопнула».

Со страдальческим видом он выслушал про нашу затею о создании КВН, вздохнул, когда узнал, что мы уже побывали на телевидении, и обещал поддержку.

Заручившись его одобрением и отнеся в «молодежку» письмо из института с подписью «треугольника» – ректора, секретаря парткома и председателя месткома, – мы уже не

скрывали своих планов. Летняя сессия прошла в некотором угаре. Трусливые преподаватели ставили нам с Сашей тройки сразу, а те, которые никого не боялись, ударялись в воспоминания о собственных капустниках прежних лет, которые, по их словам, были куда смешнее, чем все КВНы вместе взятые. Мы милостиво их выслушивали. А если записывали шутки выпускников сороковых, пятидесятых, попадались даже и тридцатых годов, то получали четыре балла. Юрий Николаевич, когда встречался с нами, менялся в лице. Но мы не обижались. Нам было не до него. За нами уже ходил шлейф почитателей, точнее, желающих влиться в команду, которую, безусловно, ожидало триумфальное появление на голубом экране.

Сомневаться в успехе мы начали сразу после сессии, поскольку со сценарием у нас пока ничего не получалось.

* * *

Сценарий мы сели писать на Новой Басманной улице, в доме друзей моих родителей – Евгении Иосифовны и Леонида Александровича Окуней. Их сын Саша, известный московский театральный художник, ученик Николая Павловича Акимова, выпускник и преподаватель постановочного факультета Школы-студии МХАТ, женившись, жил с женой отдельно от родителей.

Шурик давно уже обитает в Америке, он прекрасно рабо-

тал в Майами, в том числе и в Диснейленде, а теперь перебрался в Северную Каролину, в горы, там у него большая мастерская, и в горах ему легче дышится, чем у океана. Написать такие строчки даже в восьмидесятых выглядело кощунством.

В Доме отдыха Союза архитекторов в Суханово мои родители встретили чету Окуней. До войны папа учился с тетей Женей в одном классе и у них была общая компания. С начала войны они не виделись, и очень обрадовались встрече. Дядя Лёня вырос в Одессе, и этот город, не волнуйтесь, тоже войдет в наше повествование.

В результате этой встречи я был послан к Окуням под присмотр в Москву поступать в Архитектурный. Знаменитых лошадок на фронтоне Московского цирка дядя Лёня нарисовал при мне, он был главным художником цирка. При этом он, растягивая слова, популярно мне объяснял, как надо правильно жить и работать. К своему стыду должен заметить, что только часть этих наставлений я стал исполнять, но уже после сорока лет.

Надо отметить, что дядя Лёня занимался мною не только словом, но и делом. Он нашел мне место в одном из цирковых номеров, где выступали дрессированные яки с пятью братьями-армянами, которые к тому же были акробатами и на самом деле не совсем братьями. С одним из так называемых братьев что-то случилось, и полагалось занять нарушающее симметрию пустующее место. Исполнять двойное

сальто никто не требовал, необходимо было лишь разводить руками и говорить, обращаясь к публике, «Ап!» или «Алле!», а потом поворачиваться к оставшимся четверем «братьям», которые в расшитых блестками якобы национальных костюмах и белых полусапожках (автором костюмов был дядя Лёня) прыгали и крутились вокруг дрессированных яков с такой скоростью, что бедные тибетские животные, вероятно, привыкшие к медленным и плавным движениям буддистских монахов и задыхающихся на высокогорье крестьян, ничего в этом бардаке не соображали. Впрочем, как и зрители. Поэтому, перемещаясь по манежу, я мог создавать впечатление, что взял передышку после рондата с переворотом. По сей день не могу понять, какое отношение яки имеют к армянам. Единственное объяснение – что их в числе остальных Ной вывез на Арарат во время потопа, правда, там они не задержались. Других концов не вижу.

Через много лет Шурик уже в Америке дополнил мои воспоминания. Оказывается, номер существовал лишь благодаря каким-то связям главного армянина-дрессировщика в высших цирковых кругах. Причем все яки у него собрались дамы, скрывающие вымя под густой шерстью в пол, а для большего устрашения дрессировщик клеил им высокие, острые, но резиновые рога.

Одна только мысль, что меня в белых полусапожках может увидеть Зегаль, была страшнее, чем соблазн получать в цирке неплохие деньги. Мне хватало уже того, что он подслу-

шал в вестибюле, как пожилая еврейка-гардеробщица сказала про меня своей коллеге: «Вы слышали, этот красавчик женится! Он с ума сошел!» У этой категории женщин, не гардеробщиц, конечно, я всегда имел устойчивый успех. Теперь страшно жалею, что отказался от цирковой карьеры. Кто знает, как после нее сложилась бы моя жизнь?

Окуни занимались по мере сил присмотром за мной почти до конца института, пока я на пятом курсе не женился. Уезжая на отдых, чаще всего в то же Суханово, они оставляли меня в своей маленькой трехкомнатной квартире, где жили до переезда в кооператив, построенный цирком у метро «Аэропорт».

Входная дверь квартиры выходила в небольшой дворик-колодец без единой травинки, где в соседней квартире, тоже выходящей прямо во двор, без подъезда, обитал промасленный рабочий человек. Одно из главных завоеваний советской власти – это объединение на одной лестничной клетке профессора и алкоголика. В данном случае – в общем дворе, что позволило работяге собрать привезенный со свалки «правительственный “ЗиМ”». На площадке пятиэтажки «ЗиМ» точно бы не поместился.

Сначала пролетарское увлечение не доставляло его интеллигентным соседям особых хлопот, поскольку первые пару лет, доводя ходовую часть «до ума», он все воскресные дни тихо лежал под ней. Я и лица его не помню, зато ноги в многолетнем, колом стоящем комбинезоне и потеряв-

ших форму ботинках с заклепками по бокам буквально стоят, точнее, «лежат» перед глазами. Но однажды он установил в «ЗиМе» мотор от грузовичка «ГАЗ-51», и теперь по воскресеньям принялся за наладку двигателя. Выработавший все свои немалые ресурсы мотор кашлял, хрипел, задыхался все время, как умирающий, но постоянно живой курильщик, при этом точно так же был окутан вонючим дымом.

Для полноты картины о победе всеобщего равенства надо записать, что во дворик выходила дверь еще одной семьи. За третьей дверью проживали мама и дочь Голицыны. Поскольку тогда мода на князей еще не подросла, а коммунизм в отличие от конца света казался неизбежен, мама и дочь тщательно скрывали свое прямое происхождение от тех самых Голицыных, чей некрополь в Донском монастыре образует свое маленькое кладбище со скульптурами из итальянского мрамора. Дочка, как говорится, была на выданье. Но от неправильной еды или примеси посторонней крови она была в отличие от мамы и других столбовых дворян слишком, как это помягче выразиться, корпулентной. Косвенно ее состояние ожидания предстоящей встречи с единственным мужчиной подтверждалось тем, что в книге тогда еще не диссидента, чешского поэта Людвиг Ашкенази «Черная шкатулка», настольной, кстати, у московских интеллектуалов (черно-белые фото, к которым он сделал подписи белым стихом), она мне показала свою любимую страницу – почти невидимый в темноте женский портрет, освещаемый лишь

вспышкой от сигаретной затяжки, а под ним приблизительно такие строчки: «Не отнимайте у женщины сигарету, может это единственный огонь, который ей достался!»

Так на Новой Басманной в середине шестидесятых сошлись интересы русской аристократии с еврейской буржуазией против простого народа, поскольку Голицыны тоже не переносили шоферские развлечения соседа, правда, гордо, как и полагается дворянам при советской власти, молчали. В конце концов, дочка устроилась на работу в городе Жуковском, чтобы в электричке познакомиться с летчиком и выйти за него замуж. Привычка целый день находиться рядом с испытательным аэродромом позволяла ей в воскресный день спокойно отсыпаться. Для нее звук заводимого лимузина с двигателем от грузовика был не сильнее легкого шума листвы от летнего ветерка.

Несмотря на то что сосед-автолюбитель поменял дислокацию, его голова все равно была скрыта от любопытных, но теперь уже капотом. Для обозрения оставались те же ноги, но к ним добавился еще и зад в уже упомянутом комбинезоне.

В любое время года, в любую погоду, каждое воскресное утро старичок «ЗиМ» оживал. В будние дни к нему не прикасались, и он стоял нетронутый шесть дней в неделю: летом – горячей грудой металла, зимой – с огромной шапкой снега на крыше. Что характерно, в движении я его так ни разу и не увидел.

Когда вонь от выхлопных газов становилась невыноси-

мой, дядя Лёня выходил во дворик в полосатых пижамных штанах и коричневой домашней куртке, расшитой вокруг костяных палочек-пуговиц каким-то бранденбургским орнаментом, и произносил с той же интонацией, с которой воспитывал меня, одну и ту же трагическую фразу:

– А вы не пробовали заправлять свое авто одэколоном?!

В ответ из чрева «ЗиМа» раздавалось глухое и презрительное: «Прости, художник!» На этом утренняя разминка для «ЗиМа» заканчивалась...

Квартира, которую мне доверяли охранять, где жили два художника и их жена и мама, вся была увешана различными художественными причиндалами – как сейчас говорят, артефактами. Именно туда, на Новую Басманную, мы вечером отправились с Сашей писать сценарий, вместо того чтобы готовиться к сессии.

Мы сели в гостиной за круглый стол. Я положил перед собой и Сашей чистые листы бумаги и карандаши. Довольно долго мы сидели, тупо изучая окружающую обстановку, с которой я в отличие от Зегаля был знаком уже пять лет. Затем Саша встал и обошел всю квартиру, внимательно разглядывая все, что висело на стенах. Самое большое его внимание привлек рисунок сангиной Кустодиева «Обнаженная». Он долго его разглядывал, не выпуская палец из носа.

– Надо что-то почитать для разгона, – отвлекаясь от «Обнаженной», предложил Саша.

Теперь поднялся я, прошелся глазами по книжным пол-

кам и притащил оранжевый том из пятитомного собрания сочинений Ильфа и Петрова. Зегаль начал читать вслух «Золотого теленка». Мы хохотали как ненормальные. Прочтя пару глав, Саша уехал к себе на Речной.

Так продолжалось три вечера, потом наступило прозрение. Началось оно с того, что Зегаль решил для разгона написать стихи под Игоря Северянина. Он быстро сочинил первую строчку: «Сливы на антресоли посыпаны солью...» Дальше он застрял на весь вечер. Но мы не унывали. Времени до сентября было еще много, и мы решили, что каждый на практике (по-моему, живописной) что-нибудь посочиняет, а когда встретимся в Москве, быстренько все придуманное сложим и отвезем в Останкино. Стало так легко, будто мы уже сдали сценарий в «молодежку». На этом мы попрощались и разъехались. Моя практика как комсомольского активиста проходила в «Баухаузе» – знаменитой немецкой архитектурной школе Вальтера Гропиуса, географически оказавшейся на территории ГДР в Веймаре, а Саша с Витей Прокловым (они учились в одной группе) укатил в Одессу.

* * *

Одесса – город в судьбе Зегалья не случайный. Из Одессы была его первая жена Инна, там же родилось и его самое большое первое чувство, естественно, не к Инне, а к бакинской девушке Эльмире. Этот факт сыграл значительную

роль в истории КВНа Московского архитектурного, поэтому обойти его нельзя.

За два года до описываемых событий Саша и Витя Проклов после практики по рисунку (она у них проходила на Соловках) решили резко поменять климат и отправились отдыхать в Одессу. Та поездка признана легендарной и, как во всякой легенде, процент правды от вымысла различить нелегко. Главными событиями в ней считаются знакомство Саши с Эльмирой, кража Вити и в результате этого странного киднеппинга потеря им невинности, а также то, что на одесском пляже в районе 12-й станции Фонтана они поставили палатку, тем самым экономя деньги на жилье. Самое невероятное для меня: как студентка бакинской консерватории согласилась в ней находиться?.. Пусть и не на все время, а только иногда с Зегалем.

В кармашек палатки Витя прятал любимые фруктовые карамельки (пристрастие всей семьи Прокловых, как к наркотикам). Когда Витя удалялся на рыбалку (проклятье мужской части семьи), Саша с Эльмирой занимались личной жизнью. Презервативы тогда не рекламировались, покупать их было стыдно, а натягивать – оскорбительно, поскольку возникало ощущение, что ты заразный. Поэтому Саша, доходя до пика взаимоотношений, опорожнял накопившееся в кармашек палатки, как раз туда, где Витя устроил схрон своим карамелькам.

С Эльмирой у Саши сложились сложные отношения. Пе-

риодически при нечастых встречах они смертельно выясняли отношения, но это только укрепляло их, если можно так сказать, дружбу. Более того, Эльмира была представлена Сашиным родителям и, приезжая в Москву, даже останавливалась у них. Правда, Сашка на это время перебирался в комнату Юры. Но ночью, вроде бы по привычке, возвращался к себе.

Через пару лет в какой-то момент (а он случился в начале того холерного лета 1970 года) Эльмире надоело выяснять отношения с Зегалем, и она уехала со своей бакинской компанией в Прибалтику. Совершенно понятный поступок. Не на юг же бакинцам ехать отдыхать. Жители Ленинграда, например, признавали только Сочи, что в конце концов для города-курорта сыграло решающую роль. Когда многомиллиардная перестройка в Сочи закончится, я бы на том самом месте, где обычно по всей стране ставили памятник Ильичу, установил монумент «известному петербуржцу-ленинградцу» от благодарных жителей бывшей всесоюзной, ныне все-российской здравницы. Во всяком случае, местные армяне деньги на памятник соберут за один день.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.